

ЛИТЕРАТУРА

1. Добричев, С. А. К вопросу о мнимоконверсных структурах в современном английском языке / С. А. Добричев // Семантические и прагматические аспекты изучения языковых единиц : материалы краев. науч.-практ. конф. / Барнаул. гос. пед. ин-т; редкол.: Л. Ф. Супрун [и др.]. – Барнаул : Полиграфист, 1987. – С. 29–31.
2. Рудакова, Л. С. Конверсные соотношения между глаголом и глагольно-именным словосочетанием в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. С. Рудакова ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1980. – 16 с.
3. Зуева, Э. В. Конверсные отношения в лексике в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Э. В. Зуева ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1980. – 18 с.
4. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян ; под ред. В. Ю. Розенцвейга. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
5. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева ; под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Наука, 1968. – 272 с.
6. Добричев, С. А. О некоторых вопросах семантико-парадигматического анализа конверсных глаголов английского языка / С. А. Добричев // Семантический синтаксис современного английского языка : сб. ст. / Пятигор. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; под ред. П. И. Шлейвиса. – Пятигорск, 1976. – С. 16–25.
7. Варшавская, А. И. Системные лексические противопоставления и их взаимодействие с синтаксисом (на материале английских предложений, выражающих последовательность двух действий) / А. И. Варшавская // Системное описание лексики германских языков : сб. науч. ст. / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова ; под ред. К. А. Ивановой. – Л., 1976. – Вып. 1. – С. 36–40.

О. С. Горицкая

г. Минск, Беларусь

ОЦЕНОЧНЫЕ СУЖДЕНИЯ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛАРУСИ*

Русский язык как полицентрический. Русская речь жителей Беларуси имеет специфику на различных уровнях языковой структуры: в фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе [1; 2; 3; 4; 5; 6], что обусловлено языковыми контактами (в первую очередь влиянием белорусского языка), а также действием внутриязыковых факторов языковой эволюции. Основным экстралингвистическим фактором, способствующим появлению и распространению этих особенностей, является русско-белорусский билингвизм, законодательно закрепленный в Беларуси как независимом государстве.

* Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

Мы полагаем, что русскую речь жителей Беларуси можно рассматривать как недоминантную разновидность русского языка, которая находится в процессе формирования (см. также [7; 8]), поэтому в данной статье используются обозначения *белорусская разновидность русского языка* и *белорусский русский*. Кратко обоснуем нашу позицию.

В научных публикациях представлены различные критерии отнесения языков к *полицентрическим* (*pluricentric*). Максимальное количество полицентрических языков дает применение подхода, представленного в [9]. Р. Мур предлагает относить к полицентрическим языки, которые обладают как минимум одним из свойств из следующего списка (чем больше условий соблюдается, тем более развит полицентрический язык):

- использование языка представителями нескольких наций;
- официальный статус языка (государственный, официальный, региональный и т.п.) как минимум в двух странах;
- наличие языковых особенностей, которые могут приобретать символическую функцию;
- принятие полицентризма (представители языкового коллектива считают свой идиом особой разновидностью полицентрического языка);
- значимость разновидности полицентрического языка для идентичности;
- кодификация национально специфических норм;
- изучение особенностей идиома в школе, развитие разновидности и распространение знаний о ней в обществе.

Полицентрические языки представлены двумя типами разновидностей – доминантными и недоминантными [9; 10]. Как правило, у доминантных разновидностей полицентрических языков больше носителей, чем у недоминантных, а нормы доминантных разновидностей кодифицируются и «экспортируются» в другие страны. Соответственно, носители недоминантных разновидностей обычно «импортируют» кодифицированные нормы, но иногда самостоятельно кодифицируют свои. Кроме того, люди, говорящие на недоминантных разновидностях, часто не в полной мере осознают специфику своего идиома.

Особенности белорусской разновидности русского языка становятся предметом обсуждения не только лингвистов, но и «наивных» говорящих. Это свидетельствует о том, что специфика разновидности в некоторой степени осознается носителями. В данной публикации мы сосредоточим внимание на высказываниях, в которых говорящие дают оценку языковым фактам, характерным для белорусского русского. Приведем в качестве примера фрагмент интернет-дискуссии, стимулом к которой послужила статья под названием «*Шуфлядка*», «*ссобойка*» и «*закатки*». *Какие русские слова не знают сами россияне и почему?* (news.tut.by/culture/546274.html):

(1a) *У меня сын когда приходил из школы и приносил очередное словцо на трясанке, так я его ругала, будто он бранных слов нахватался, ну потом он подрос, сам стал понимать, что не к чему ему эти словечки, теперь вот учится в РФ, так иногда со смехом вспоминает все эти «куплять»...*

(1б) Ну и зря. Разнообразие и составляет всю прелесть жизни. Когда я приезжаю в Гомельскую область, то с умилением ожидаю как меня начнут отправлять идти «тудой» или «судой». А когда приезжаю в Полоцк, то всегда с нетерпением жду, как на вокзале мне объявят, что я приехал в Полоцк.

(1в) Ну да, мы на работе смеялись с коллегами, как наша начальница говорила «тудака/тамака». А ведь это белорусские слова. И это круто!

(1г) Уверены, что это именно «белорусские» слова? Для меня они звучат как «лисaped» – слова, искаженные из-за неграмотности (tut.by).

Цель статьи – систематизировать оценочные высказывания об особенностях белорусской разновидности русского языка. Чтобы достичь этой цели, необходимо решить следующие задачи:

- выявить тематические группы метаязыковых высказываний и определить место эмоционально-оценочного компонента в комментариях;
- узнать, существуют ли различия в восприятии языковых единиц различных типов;
- обнаружить установки, которые лежат в основе положительных и отрицательных оценочных комментариев.

В этой работе рассматриваются метаязыковые дискуссии (на русском и белорусском языках), найденные в ходе наблюдения над коммуникацией в Интернете, а также при помощи поисковых систем и Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru). Мы анализируем публикации об особенностях русского языка в Беларуси в социальных сетях и блогах, высказывания на форумах, а также комментарии к различным материалам, в первую очередь из электронных СМИ, на эту тему. В некоторых комментариях эксплицитно указывалось на филологическое образование автора, однако мы полагаем, что большинство высказываний принадлежат «наивным» говорящим.

Объем основной картотеки – около 30 000 слов. Все проанализированные комментарии были написаны в XXI в., при этом большинство высказываний датированы периодом с 2015 по 2017 г. Для сохранения анонимности и облегчения восприятия текста в статье не приводятся гиперссылки: мы ограничились указанием на сайт, где были обнаружены метаязыковые высказывания; цитаты можно найти при помощи поисковых систем, поиска по ГИКРЯ и социальным сетям (комментарии к статьям, опубликованным на портале TUT.BY, в настоящее время формально находятся на другом ресурсе – talks.by, но мы отмечали их в тексте как *tut.by*). В контекстах в целом сохраняется авторская орфография и пунктуация, исправлены лишь отдельные опечатки и другие технические погрешности, усложняющие восприятие текста.

Особенности белорусской разновидности русского языка вызывают интерес у интернет-пользователей, а статьи на эту тему в электронных СМИ сопровождаются большим количеством комментариев, что указывает на интерес общества к лингвистическим вопросам. Так, например, менее чем за

две недели интернет-пользователи написали более 1 300 комментариев к статье *«Не Белоруссия, а Беларусь»*. 11-летняя девочка поспорила с Галкиным в эфире «Первого канала» России (news.tut.by/culture/587225.html). Конечно, далеко не все комментарии к публикациям на лингвистические темы непосредственно касаются языка, а в части высказываний отмечается, что в Беларуси существуют и более важные проблемы, чем языковые:

(2) *да говорите вы хоть по-китайски... только нормальными людьми оставайтесь... есть лингвисты (странная специальность) пусть занимаются... в стране других проблем не осталось...!??* (tut.by).

В нашей картотеке представлены комментарии, в которых обсуждаются различные темы. С одной стороны, освещаются общие социолингвистические вопросы. Так, интернет-пользователи затрагивают проблемы идеологического характера: связь между языком и нацией, лингвистический фактор национальной идентичности, право белорусов на русский язык, влияние политики на лингвистические феномены и т.п. Обсуждается территориальное и социальное варьирование русского языка и место наблюдаемых языковых фактов в данном лингвистическом конгломерате. Ведутся споры о том, существует ли особая белорусская разновидность русского языка или же отмеченные закономерности – это примеры белорусско-русской смешанной речи (так называемой трасянки), нарушения норм языка и т.п. Кроме того, интернет-пользователи пишут о перспективах стандартизации белорусской разновидности русского языка.

С другой стороны, фиксируются конкретные языковые факты. Интернет-пользователи дают обзор языковых особенностей и оценивают их количество. Перечисляются структурные (фонетические, лексические, морфологические и синтаксические) и коммуникативно-прагматические характеристики белорусской разновидности русского языка. Русская речь рассматривается и в нормативном аспекте: говорящие отмечают типичные для Беларуси отступления от норм, а также дают общую нормативную характеристику речевой продукции белорусов. В выборке также представлены споры носителей о том, действительно ли единицы, отмеченные другими людьми, характерны для речи жителей Беларуси. Темой для обсуждения становится и уникальность языковых особенностей: некоторые пользователи полагают, что языковые факты, которые считаются свойственными белорусам, должны использоваться только в Беларуси, и если они встречаются где-то еще, то такие единицы нельзя считать национально специфическими.

Особенностью «наивных» метаязыковых дискуссий является их оценочность и эмоциональность. В отличие от лингвистов, непрофессионалы не стремятся беспристрастно описывать язык – они эмоциональны и субъективны: «Для человека *emotio* идет впереди *ratio*, и, хотя официальная наука стыдливо прячет голову в песок от признания этого, индивидуальное знание всегда имеет оценочный компонент, человеческая эпистемология аксиологична. Язык и все, что с ним связано, также всегда оценивается “простыми людьми”» [11].

Языковые особенности белорусского русского вызывают у носителей различные эмоции – от умиления до пренебрежения и злости, а одной из типичных реакций на такие языковые факты со стороны человека, говорящего иначе, является смех, см., в частности, примеры (1а–1г) выше, а также следующий диалог:

(3а) *помнишь, как вы смеялись над «шуфлядкой»?))))*

(3б) *Разумеется, помню! И «буську», конечно, тоже))) Звучало действительно необычно, но очень мило, вместе с тем))* (facebook.com).

Многие из этих эмоциональных реакций, а также восприятие местных слов как девиантных, милых и т.п. характерны и для других недоминантных разновидностей полицентрических языков, в особенности если языковые факты оцениваются носителями доминантных разновидностей [9].

В метаязыковых высказываниях представлена как общая (положительная и отрицательная), так и частная оценка языковых единиц (сенсорно-вкусовая, психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная, нормативная, телеологическая) [12, с. 75–77], причем эти типы оценок нередко накладываются друг на друга: ненормативное воспринимается как некрасивое, неприятное, отталкивающее и т.п. (см. также [13]):

(4) *А где «приснила» и «снила» вместо «мне снилось, что»? – Это ж даже самые гродненцы в целом третьем поколении так говорят. Более уродливого не слышал ничего* (sl3.ru).

В данной работе мы сосредоточим внимание на общей (отрицательной или положительной) оценке языковых фактов.

Языковые единицы как объект оценочного отношения. Один и тот же стимул может вызывать разные реакции, что связано со спецификой языковой идеологии носителей, в том числе с различным отношением к белорусскому языку, смешанной речи и отступлениям от кодифицированных норм русского языка. Рассмотрим в качестве примера некоторые комментарии из одной дискуссии:

(5а) *Слушаю радио редко, а этот канал – впервые. Очень симпатичный ведущий, но его ужасный акцент и дикция сильно портят впечатление от передачи. Все же это радио, а не подзаборный междусобойчик. У нас что, в стране такая проблема с кадрами?*

(5б) *Да, произношение великого и могучего русского мягко говоря подкачало...*

(5в) *он говорит на нем для Шендеровича. Это белорусскоязычный/белорускодумающий человек*

(5г) *А мне падабаецца акцэнт нашага вядучага. Чаму у немца можа быць акцэнт, а у беларуса – не?*

(5д) *Ничего удивительного для беларускамоунага. Этим можно гордиться.*

(5е) *лукашук действительно с таким жэстачайшым акцентом говорит? это же треш, волосы дыбом встают.*

(5ж) *отличный акцент, заслухалси* (facebook.com).

Вместе с тем интернет-пользователи упоминают различные языковые единицы, которые могут вызывать неодинаковые реакции. Другие участники дискуссий, в свою очередь, указывают на различную природу обсуждаемых языковых фактов и разводят более и менее престижные единицы. Так, например, среди «наивных» говорящих есть тенденция относить многие факты, которые встречаются в бытовой коммуникации, к национально специфическим. Поэтому часто к местным особенностям ошибочно причисляют просторечные или разговорные единицы, которые активно используются в различных странах [14]. Несколько иллюстраций:

(6) *я закасываю рукава, характерно дзенькаю и ценькаю, от «хрумстеть» и «скребсти» аж передернуло. это просто безграмотно (facebook.com);*

(7) *А и еще «морозилка» и «протвень» – это не особенность речи, это Безграмотность! (s13.ru);*

(8) *Одно дело диалектизмы – это нормально. Другое дело безграмотность – это ненормально, но это повсеместное явление, к Беларуси оно отношения не имеет (livejournal.com).*

Анализ метаязыковых комментариев показал различия в восприятии единиц, относящихся к различным уровням языка. Многие фонетические и грамматические единицы, которые встречаются в русской речи жителей белорусов, выводятся за рамки русского языка. Их считают фактом стигматизированной смешанной речи и/или ошибкой, которой просто не должно быть. Проиллюстрируем это несколькими комментариями к упомянутой выше статье «Шуфлядка», «ссобойка» и «закатки». *Какие русские слова не знают сами россияне и почему?:*

(9) *По моему скромному мнению, перечисленные слова – обычная «трасянка». Как можно называть это «белорусский русский язык»?*

(10) *При чем тут русский язык? Каличный – слэнг, который знает не каждый зрелый белорус, а все остальные слова белорусские. Статья высосана из пальца (tut.by).*

В целом большинство дивергентных явлений в белорусском русском имеют контактную природу (даже внутриязыковые феномены часто поддерживаются со стороны белорусского языка). Единицы, специфические для белорусской разновидности русского языка, могут рассматриваться как проявление стигматизированной смешанной речи, поскольку границы между идиомами в языковом континууме являются нечеткими.

Так, к примеру, из фонетических особенностей белорусского русского интернет-пользователи более охотно отмечают явления типа «цеканья» и «дзеканья» (произношение аффрикат на месте [т'] и [д']), в той или иной степени свойственные всем белорусам, см. пример (6) выше, чем такие феномены, как фрикативное [γ] и твердое [ч], которые социально маркированы и считаются элементами стигматизированной смешанной речи [15]. Лексические единицы, в отличие от фонетических и грамматических, скорее оцениваются как местные «особенности», «фишки», а не как «ошибки». При этом явные заимствования из белорусского типа *бульба* обсуждаются не так активно, как менее очевидные регионализмы.

Нормативный аспект языковых единиц и оценка. Анализ комментариев демонстрирует, что отрицательное отношение к национально-специфическим языковым фактам связано с социальным аспектом языковых норм. Некодифицированные единицы связываются с речью низов, а не элит и, как следствие, считаются непрестижными:

(11) *А в общем, как правильно заметили выше, у нас хватает людей, которые говорят правильно. Приведенные признаки более характерны для тех «гродненцев», которые гродненцами стали совсем недавно. Ну либо для тех, чьи родители переехали в Гродно из окрестных колхозов и дети повторяют за родителями их «колхозный русский»* (s13.ru).

В метаязыковых дискуссиях о белорусской разновидности русского языка звучат традиционные для народной лингвистики мысли о порче языка [11], в том числе и в ироническом ключе:

(12) *Я уже в какой-то соседней ветке писал о том, что вы, братцы, и свой родной не знаете, и ещё измываетесь над русским... Даже ведущие на Бел.ТВ уродуют русский со страшной силой. Ганьба* (forum.grodno.net).

Символический аспект языковых единиц и оценка. Положительно оценивая особенности белорусской разновидности русского языка, интернет-пользователи делают акцент не на *нормативной*, а на *символической* стороне языка – его связи с идентичностью и принадлежностью (belonging) к коллективу. Специфические языковые факты воспринимаются как проявление национального колорита, самобытности белорусов, их отличия от россиян и т.п.:

(13) *Я бы еще добавила сюда слово «абы-што», которое я всегда говорю. В разговоре с россиянами я его фильтрую, хотя не стоит. Нужно быть самобытными!* (tut.by).

Соответственно, особенности белорусского русского рассматриваются как маркер «своего» и оцениваются положительно. Приведем в качестве иллюстрации комментариев к посту в социальной сети о том, как распознать белоруса:

(14) *Да, хороший постик) свойский. Каждый ещё десяток фенечек выдаст. Меня, так это радует)* (facebook.com).

Люди, придерживающиеся подобных взглядов, не разделяют стремления ряда носителей языка устранять местные особенности из своей речи:

(15) *Да это у лимиты комплекс какой-то. Перебрался в город – срочно избавляться от языка, с которым вырос; вырос на хуторе – срочно избавиться от всей растительности вокруг и закатать всё в плитку и асфальт. =)* (s13.ru).

(16) *А что все так против деревенского говора то? У меня бабушка (Кировская область), например, говорила не «церковь», а «церква», и ничего плохого в этом я не вижу. Различия в произношении – это прекрасно. В какой-то мере это обогащает язык* (s13.ru).

В некоторых случаях пользователи говорят об уместности локальных языковых единиц лишь в неформальной коммуникации:

(17) *А вообще-если люди не работают в пуфосных офисах на ресепшн и не дикторы на тв и радио – то все эти акценты и словечки очень даже замечательные. Делают язык живым* (facebook.com).

Кажется, что положительное отношение к вариативности и нестандартным разновидностям языка является достаточно новым для Беларуси и других стран постсоветского пространства. Оно свойственно демократическому обществу [16, с. 133], а также находится в русле тенденций к локализации, противопоставленной глобализации (см. также [17] об отношении к регионализмам).

В отдельных случаях отрицательная оценка связывается не с нормативным, а с символическим аспектом языка. Современное общество достаточно чувствительно к национальным вопросам, и поэтому обсуждение региональных различий в речи иногда рассматривается как провоцирование национальных конфликтов и проявление ксенофобии:

(18) *Ну идентифицировали вы белоруса, и что дальше с этим гадом делать? Он же не такой как мы гэкает пэкает ату его ату!!!* (facebook.com).

(19) *Стыдно не за слова, а за пафосную спесь, которая сквозит из многих пишущих здесь, что, мол, соседи не понимают некоторые слова, которые употребляем мы* (facebook.com).

Резюмируя содержание данной статьи, отметим, что в метаязыковых дискуссиях представлено как отрицательное, так и положительное отношение к специфическим характеристикам белорусской разновидности русского языка. Язык – сложное, многоаспектное явление, и, когда люди неодинаково оценивают чью-либо речь, они зачастую смотрят на лингвистические феномены с разных сторон.

Отрицательная оценка особенностей белорусского русского, как правило, связана с социальным аспектом языковых норм. Считается, что отступлениям от кодифицированных норм не место в образцовой речи. Кроме того, необходимо отметить, что многие черты исследуемой разновидности русского языка имеют контактную природу и ассоциируются со стигматизированной, непрестижной русско-белорусской смешанной речью.

Положительная оценка единиц, характерных для русской речи белорусов, демонстрирует связь языка и идентичности. Специфические языковые факты воспринимаются как маркеры принадлежности (belonging) к особому языковому коллективу – кругу «своих». Впрочем, в отдельных случаях перспективы дивергенции разновидностей русского языка оцениваются отрицательно (в том числе и со стороны интернет-пользователей из Беларуси), поскольку единый литературный язык воспринимается как средство борьбы с ксенофобией и уменьшения межэтнической напряженности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский язык в Белоруссии / под ред. А. Е. Михневича. – Минск : Наука и техника, 1985. – 272 с.
2. Мощенская, Л. Г. Как белорусы говорят по-русски? Варианты рода имен существительных в русской речи белорусов / Л. Г. Мощенская ; ред. П. П. Шуба. – Минск : Университетское, 1992. – 158 с.

3. Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси / науч. ред.: А. Н. Булыко, Л. П. Крысин. – Минск : Беларус. навука, 1999. – 245 с.
4. Норман, Б. Ю. Русский язык в Беларуси: особенности социолингвистической ситуации / Б. Ю. Норман // *Humaniora: lingua russica*. Развитие и вариативность языка в современном мире. – Tartu : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. – P. 175–192.
5. Woolhiser, C. «Belarusian Russian»: Sociolinguistic Status and Discursive Representations / C. Woolhiser // *Non-dominant varieties of pluricentric languages. Getting the picture. In Memory of Prof. Michael Clyne* / ed. by R. Muhr. – Wien [et al.] : Peter Lang Verl., 2012. – P. 227–262.
6. Woolhiser, C. The Russian language in Belarus: language use, speaker identities and metalinguistic discourse / C. Woolhiser // *The Russian language outside the nation: speakers and identities* / ed. by L. Ryazanova-Clarke. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2014. – P. 81–116.
7. Del Gaudio, S. Russian as a non-dominant variety in post-Soviet states: a comparison / S. del Gaudio // *Exploring linguistic standards in non-dominant varieties of pluricentric languages*. – Frankfurt am Main [et al.] : Peter Lang Verl., 2013. – P. 343–363.
8. Мечковская, Н. Б. Постсоветский русский язык: новые черты в социолингвистическом статусе / Н. Б. Мечковская // *Russian Linguistics*. – 2005. – Vol. 29, No. 1. – P. 49–70.
9. Muhr, R. Linguistic dominance and non-dominance in pluricentric languages. A typology / R. Muhr // *Non-dominant varieties of pluricentric languages. Getting the picture. In Memory of Prof. Michael Clyne* / ed. by R. Muhr. – Wien [et al.] : Peter Lang Verl., 2012. – P. 23–49.
10. Pluricentric languages: differing norms in different nations / ed. by M. Clyne. – Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 1991. – 481 p.
11. Кашкин, В. Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология / В. Б. Кашкин // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты* / редкол.: Н. Д. Голев (отв. ред.) [и др.]. – Кемерово [и др.] : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – Ч. 1. – С. 41–60.
12. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
13. Горицкая, О. С. Эмоциональный компонент в метаязыковой деятельности: когнитивный аспект / О. С. Горицкая // *Язык – когниция – социум : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 нояб. 2012 г.* / редкол.: З. А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2012. – С. 177–178.
14. Горицкая, О. С. Лексические шибболеты в русской речи жителей Беларуси (на материале интернет-коммуникации) / О. С. Горицкая // *Параўнанне сістэм беларускай і рускай моў і даследаванне асаблівасцей іх функцыянавання ў сучасным грамадстве : матэрыялы дакл. Рэсп. навук. канф., прысв. 40-годдзю аддзела беларус.-рус. моўных сувязей (Мінск, 16 чэрв. 2017 г.)* / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культ., мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад агул. рэд. А. А. Лукашанца. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2017. – С. 59–65.

15. *Hentschel, G.* Eleven questions and answers about Belarusian-Russian mixed speech ('Trasjanka') / G. Hentschel // Russian Linguistics. – 2017. – Vol. 41, Iss. 1. – P. 17–42.

16. *Мечковская, Н.* Демократизация языков: факторы, коллизии и альтернативы / Н. Мечковская // Acta Neophilologica. – 2006. – Вып. VIII. – С. 129–138.

17. *Лукашанец, Е. Г.* Регионализмы в языковом сознании пользователей Интернета / Е. Г. Лукашанец // Семантика и прагматика языковых единиц : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 мая 2015 г. / редкол. : А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2015. – С. 208–210.

Н. В. Дардыкова

г. Минск, Беларусь

КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (на материале русского, английского и турецкого языков)

Фазовость, или *фазисная детерминация*, представляет собой «выделение одной из фаз в протекании действия или состояния – начальной, срединной или конечной» [1, с. 321]. План выражения фазовых значений условно состоит из трех компонентов. Первый компонент составляют семантические классы предикатных слов, которые сочетаются с фазовыми значениями. Второй компонент – лексико-грамматические, грамматические и контекстуальные средства, в той или иной степени используемые для выражения фазовых значений. К третьему компоненту относятся слова и словосочетания, лексически выражающие фазовые значения и соответственно сочетающиеся с семантическими классами глаголов, образующими первый компонент [2, с. 155]. Сферу нашего интереса составили глагольные конструкции, которые представляют лексико-грамматический способ выражения категории фазовости и являются сочетаниями фазового (грамматический компонент конструкции) и полнозначного (лексический компонент конструкции) глаголов.

Задачей исследования является определение особенностей актуализации различных фаз действия в английском, турецком и русском языках путем сравнения исходных текстов с их переводами.

Источником материала для исследования стали сопоставимые по объему художественные тексты и их переводы на два других языка общим объемом примерно три миллиона слов. В качестве исходных текстов в русском языке были выбраны романы Д. А. Глуховского «Метро 2033», «Метро 2034», «Метро 2035» (объемом примерно 353 тыс. слов); в английском языке – трилогия С. Коллинз «Голодные игры» («Голодные игры», «И вспыхнет пламя», «Сойка-пересмешница», объемом 305 тыс. слов); в турецком языке – романы «Музей невинности», «Снег» и сборник эссе и очерков «Другие цвета» О. Памука (объемом 357 тыс. слов). Все указанные тексты и их переводы являются современными, так как были выпущены после 2000 года.